

Женщины в наполеоновских войнах

О.В. Шереметьев

Повседневная история армий России и других стран такой яркой эпохи, как наполеоновская, традиционно предполагает выявление и изучение факторов, касающихся мужской части населения, что совершенно естественно, ибо она служила основным источником пополнения вооруженных сил. Масштабы четвертьвековой эпопеи, динамичность происходившего, социальная мобильность затронули массы людей, заставляя менять жизненный уклад, а перманентность состояния европейского общества в условиях практически непрекращающихся войн привела к тому, что военное сословие стало играть в нем ключевую роль. Пока солдаты и полководцы героически добывали победу, окружающие их женщины тоже выступали на исторической сцене, проявляя жизнестойкость, отвагу и авантюризм, которым мог позавидовать всякий мужчина. Рассмотрим, как прекрасная половина реагировала на милитаризацию образа жизни и мировоззрения, и какое участие приняла в крупномасштабных событиях, прокатившихся волной по европейскому континенту.

Размягчение нравов, характерное для галантного XVIII в. и, особенно для эпохи Великой французской революции, способствовало феминизации всех сторон общественной жизни, сфера личных отношений явилась чуть ли не достоянием гласности. Исключение не делалось и для военных, более всех нуждавшихся в том, чтобы кто-нибудь скрашивал их суровый быт. У себя на родине те, кто был овеян бранной славой, пользовались особым расположением противоположного пола, что подметил А.С. Пушкин: «Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?».

Ирландка Кэтрин Вильмот испытала удовлетворение, встретив на светских приемах в Петербурге то же общество — дам и военных, — что и в Лондоне: «Из мраморного зала ...провели меня в роскошную гостиную, переполненную офицерами со звездами (орденскими. — О.Ш.), откуда я прошла в другую... При моем появлении двое придворных встали, а один из них (в белом мундире конно-гвардейца с полудюжиной звезд и малиновым орде-

Шереметьев Олег Васильевич — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Алтайского государственного технического университета.

ном) завел со мной весьма светскую беседу по-французски. Здесь была еще одна дама..., а вскоре вошел генерал Кутузов (главнокомандующий войсками, выступивших против французов, с которым я была знакома). Это очень почтенный пожилой господин, и в его присутствии я почувствовала себя гораздо увереннее... Прогуливаясь по комнате, мы разговаривали и разглядывали изумительный сад, окружающий дворец»¹.

Повсюду военных ожидал теплый прием со стороны прекрасной половины, для которой их яркие мундиры, манера поведения, апломб были предпочтительнее ухаживаний «партикулярных лиц», а, кроме прочего, мимолетность бытия военного человека придавала этим взаимоотношениям особую остроту. «Во время короткого перемирия, — читаем в записках польской графини Потоцкой, — последовавшего за битвой при Эйлау, в Варшаву пришло под различными предлогами из главной квартиры много французских офицеров: одни — чтобы отдохнуть, другие — чтобы повидать своих возлюбленных, так как почти все они уже имели подруг... я вынуждена сознаться, что немногие из французских офицеров встретили отпор со стороны полек, но зато те из них, кто устоял от соблазна, внушили своим воздыхателям любовь самую продолжительную и полную рыцарского поклонения. Было даже несколько браков, но мало: французы того времени почти не имели времени обзаводиться семьями»².

Брачными узами при кочевой, наполненной опасностями, жизни и периодическом безденежье связывать себя решались немногие: по подсчетам современных историков, в русской армии наполеоновской эпохи из всего офицерского корпуса насчитывалось приблизительно 9% женатых, в австрийской — 8% (включая и нижних чинов), да и в других армиях ситуация вряд ли разнилась³. Делать карьеру, будучи обремененным семьей (ведь многие военнослужащие жили лишь на свое жалование), было практически невозможно, поэтому, только по достижении высоких чинов, да и то в мирное время, появлялась вероятность обрести семейный уют.

Кое-кто из мужчин искал славы на поле брани, а кое-кто услаждал себя «объятьями Венеры» вдали от баталий, пользуясь выгодами положения, как генерал М.М. Бороздин, командовавший в 1799—1801 гг. русскими экспедиционными силами в Неаполе. Екатерининскому вельможе и сибариту среди обычных светских увеселений не доставало только амурной победы, которую фортуна не замедлила явить. Речь идет о молодой супруге британского консула при неаполитанском дворе, которую муж, напуганный наступлением французской армии и направлявшийся в Англию, доверил своему другу — Бороздину. «Этот честный англичанин был уверен, что отдал свое сокровище в самые верные руки. Но друг этот не мог победить сильнейшего из искушений и пал под его бременем, быть может, еще раньше, чем принял под свою охрану порученное ему сокровище. По правде сказать, это был поразительно красивый розовый бутон (вероятнее всего им была небезызвестная Эмма Гамильтон, покоровшая также сердце британского адмирала Г. Нельсона. — О.Ш.), и Бороздин, с разрешения мужа, для лучшего охранения своей молодой протеже, устроил ее в том же доме, где жил сам. Общение было легкое, соблазн был велик. Это злоупотребление доверием, хотя и расцвеченное красивым увлечением, все же остается пятном на его совести!... Как только миновала паника, вызванная нашествием французов, консул возвратился, забрал жену и не знал, как благодарить друга за оказанную им услугу...»⁴.

Амурные похождения, типичные для того времени, пережил в своей бурной молодости известный в 1820—1830 гг. парижский полицейский сыщик Ф.Ж. Видок, служивший во французской армии в конце XVIII — начале XIX века. «Девицы... были так же доступны, в чем легко было убедиться,

потому что в течение нескольких дней я значительно успел в своих любовных интригах, начиная с молодой и хорошенькой Констанции, единственной отрасли (то есть дитя. — *О.Ш.*) капрала Латюлин, шинкаря крепости, до четырех дочерей (дочерей. — *О.Ш.*) нотариуса, имевшего контору на углу Капуцинской улицы. Все было бы отлично, если бы я ограничился этим. Но я вздумал обратить свои взоры на красавицу с улицы Правосудия и не замедлил встретить на своем пути соперника. Это был старый полковой музыкант, который, не хвастаясь своими успехами, давал, однако, понять, что ему ничем не отказывали». Ссора между ними могла привести к поединку, но соперник написал на Видока донос, обвинив в антиреспубликанских чувствах и Франсуа спасло только то, что его мать тронула своими мольбами неприя-лекательную сестру главного «террориста» округа Шевалье. Пара комплиментов в знак благодарности от спасенного красавчика буквально ослепила девушку, и нежелательной женитьбы тому бы не миновать, но Видоки сказали, что восемнадцатилетнему парню еще рано быть семьянином ⁵.

Случалось, что по причине страсти некоторые военные совершенно теряли голову и, хуже того, забывали о своем долге, как это произошло с генералом М.А. Милорадовичем, который во время турецкой войны 1806—1812 гг. со-близился некой валашкой — «мамзель Филипеско», дочерью османского сторонника, если не шпиона. Потеряв всякую надежду вернуть боевого товарища на путь истинный, командующий Молдавской армией князь П.И. Багратион жаловался из Бухареста военному министру Аракчееву в декабре 1809 г. что не может сладить с обезумевшим от страсти Михаилом Андреевичем, который забросил службу, наделал долгов на 35 тыс. рублей и буквально «сделался настоящим интриганом валахским» ⁶.

Фаворитизм при дворах Европы — архаичный пережиток абсолютизма — тоже показателен в смысле милитаристского влияния, подобно увлечению российского императора Павла I Анной Лопухиной: «Он клал победные трофеи, добытые его войсками, к ногам дамы своего сердца. Она похвалила однажды тот неопределенный цвет, который называют «верблюжьим» (серо-коричневый оттенок, цвета шерсти этого животного. — *О.Ш.*). Для ее удовольствия отдан был приказ, чтобы все покрывалось этим цветом. Павел заставлял в театрах играть пьесы из времен рыцарства, и ему казалось, что на сцене представляли его самого, что он был то Баярдом, то Немуром (легендарные французские рыцари, символы доблести и благородства. — *О.Ш.*)» ⁷. «Сердечная болезнь» царя дошла до того, что он приказал покрасить по всей России будки караульных и шлагбаумы в цвета перчаток фаворитки (черно-бело-красные, они же государственные цвета Пруссии), а реверс русских знамен украсить надписью «Благодать», что в переводе с греческого означало «Анна», и это не было ни для кого секретом ⁸.

Возвышенные отношения были тогда в моде, поскольку многие в дворянских и буржуазных семьях зачитывались Тассо, Сервантесом, Гёте, Шиллером и руководствовались в своих поступках высоким чувством, средним между любовью и дружбой. В 1807 г. Фаддей Булгарин оказался в усадьбе вдовы майора прусской армии, где познакомился с двумя ее дочерьми, очаровавшими юного корнета своей красотой, чистотой и воспитанием. Альбертина и Леопольдина — так звали сестер — привязались к гостю как к брату, проводившему в их доме все свободное от службы время, беседовали с «мсье Таде» по-французски о природе, любимых книгах и Петербурге, гуляли вместе по саду. Влюбленный сразу в обеих, он не мог предпочесть одну другой, ибо, по его собственному признанию, они являли собой истинное совершенство. С тяжестью на сердце Булгарину пришлось расстаться с теми, кого он называл «мои милые сестрицы», и в день прощания девушки вместе с мате-

рью со слезами на глазах проводили его в коляске, наполненной разными сувенирами и цветами. Приукрашенная вымыслом, эта сентиментальная история, оставившая неизгладимый след в памяти будущего беллетриста, стала позднее основой его рассказа «Первая любовь» ⁹.

Постои в обывательских домах чаще всего приводили к близости военных с хозяйскими женами, сестрами и дочерьми, не говоря о прислуге, причем молодые особы были даже готовы идти за избранниками сердца хоть на край света. Из повести Н.А. Бестужева «Русский в Париже в 1814 году» (взявшего за основу факт из биографии декабриста Н.И. Лорера), можно узнать романтическую историю, главный герой которой — поручик Глинский, живя после окончания боевых действий у одного французского маркиза, пленился дочерью хозяина дома — Эмилией, молодой вдовой адъютанта Наполеона, и после многомесячных томных ухаживаний добился от нее взаимности. Гостивший у какого-то пана в Подолии капитан Отрошенко, заснувший было после обеда, был разбужен его дочерьми, решившими подшутить над постояльцем: «Через несколько времени слышу что кто-то читает надо мною молитву. Я осторожно приподнял одеяло, и увидел что три шалуны, молодые девицы, шутили надо мною. Одна из них стоя читала книжку, а две стояли со свечами. Я вдруг вскочил и они закричали. Уронили свечи и бросились бежать в другую комнату, но я поймал которая ближе была ко мне. Я всех их наказал поцелуями, несмотря на крики и говоря, что умершие поступают произвольно, по ихнему обычаю. Однако же за это оскорбление и они мне наскоро отплачивали тем же (то есть поцелуями. — *О.Ш.*). Так познакомился я с этими шалуныями» ¹⁰.

Целомудрие вышеупомянутой графини Потоцкой, далекой от фривольностей и притом замужней, однажды подверглось изысканному искушению в лице некоего «мсье Ф.», кем являлся, как считается, О.-Ш.-Ж. Флао де ла Биллардри (наряду с другими французскими офицерами он жил в графской усадьбе), адъютант Мюрата и внебрачный отпрыск министра иностранных дел Франции Талейрана. Амурные трофеи, как и доблесть этого кавалера были у всех на слуху: его возлюбленными в свое время стали Каролина Мюрат — сестра Наполеона, и его приемная дочь, жена Луи Бонапарта — Гортензия. С согласия мужа Потоцкая и французский офицер встречались, обменивались трогательными письмами, графиня даже послала ему свою ленту (чтобы та защитила Шарля от пуль) и, хотя гордая полячка заверяет, что не позволяла чувствам взять верх над благоразумием, вряд ли это соответствует истине. Разлучившись на несколько лет, они вновь встретились в Париже, где Потоцкая дала Шарлю понять, что их роман закончен. На прощание она подарила юноше свой портрет с выразительной надписью «Менее чем любовница и более чем друг», после чего отвергнутый отправился искать в смерти на войне лекарство от любовной тоски ¹¹.

Квартируя у одного портного в Оффенбахе (Германия) во время заграничного похода 1813 г., гвардеец Павел Пушкин сблизился с красивой хозяйкой, а после того как русские войска оставили город, девушка с разрешения бургомистра последовала за возлюбленным, назвавшись его супругой. Наняв ей квартиру во Франкфурте, русский офицер постоянно навещал прелестную обманщицу, но вскоре вынужден был с ней проститься, так как полк получил приказ о выступлении. Каково же было удивление Пушкина, когда на следующей стоянке он встретил ее вновь: «Едва мы прибыли в Архелиген, я узнал, что очень красивая женщина, очень нарядная, подошла к генералу Милорадовичу на большой дороге и попросила его направить ее ко мне; генерал, очень галантный человек, подразнив немного шутя прекрасную просительницу, предложил ей экипаж, в котором она приехала в

штаб корпуса. Мне легко было догадаться, что эта женщина ни кто иная, как м-ль Лиза Сперль, поэтому я сейчас отправил вестового, состоявшего при моем багаже, в штаб корпуса, поручив ему привезти эту женщину ко мне. Через некоторое время Лиза Сперль была в моих объятиях. Она настаивала, чтобы я взял ее с собой, и на этот раз я не мог ей отказать. Мы поместились вместе как муж и жена. Когда-то в Оффенбахе она у своего двоюродного брата портного прислуживала мне за столом, а теперь она сидела вместе со мной за одним столом»².

Особы легкого поведения двигались позади походных колонн. Дошло до того, что во французской газете «Moniteur Universel» в 1790-х гг. даже сообщалось об образовании солдатских притонов, и перечислялись дороги, ведущие к ним от военно-полевых лагерей. Недовольный официальным решением устраивать бордели, Наполеон Бонапарт в августе 1796 г. издал приказ по Итальянской армии: «Женщины, пойманные в голове армии, на штаб-квартирах или в местах расквартирования, будут облиты грязью, выставлены напоказ перед лагерем, а затем выдворены за его пределы», но это постановление эффективно действовало не больше двух недель. В попытке легализовать проблему, депутаты Конвента проголосовали за декрет от 8 марта 1793 года «об уполномоченных солдатах», постановив, что все военные могут жениться без всякого на то позволения. Волна браков захлестнула армию: так, во втором полку пешей артиллерии уже скоро насчитывалось по два десятка семейных солдат и сержантов на роту, а во всех батальонах до четырех сотен женатых, но это было еще не самое худшее. «Ужасное бедствие, — месяцем позже писал Л. Карно из Дюнкерка исполнительному совету, — настигло наши армии. Массы женщин и девушек следуют за нами, я полагаю, что их насчитывается столько же, сколько и солдат. Бараки и постоянные дворы переполнены; развратное поведение и распущенность, царившая повсюду, достигла своего апогея. Эти женщины — ослабляют солдат и смертность от венерических заболеваний в десять раз превышает смертельные исходы от ран, которые наносит противник»¹³.

Депутат Пультье на основании подобных жалоб сделал доклад в Конвенте 30 апреля 1793 г., заявив, что огромное количество женщин отягощает армию, становясь одной из причин поражений. В результате появился декрет, по которому в течение восьми дней следовало изгнать их из расположения частей или исключить со службы, оставив лишь по четыре прачки, и то с особого разрешения. Мера эта кардинально не исправила ситуацию, т.к. комиссары, призванные следить за исполнением закона, часто сами нарушали его, а многие высшие офицеры обходили запрет, наряжая своих любовниц в форму адъютантов, как это сделал генерал Россиньоль¹⁴.

Дюжина или больше предприимчивых «боевых подруг», несмотря на строжайший приказ Бонапарта не брать женщин, добралась с французской армией даже до Северной Африки. Маргарита-Полина Фурес, портниха из Каркассона, относилась к их числу. Сев тайком на корабль, вслед за супругом, лейтенантом 22-го полка конных егерей Фуресом, она прибыла в Александрию и, когда выяснилось, что молоденький егерь — вовсе не мужчина, на прекрасную голубоглазую двадцатилетнюю блондинку положил глаз сам главнокомандующий французской армией на Востоке. Знакомство их произошло при курьезных обстоятельствах: адъютант и друг Бонапарта Жюно на одном обеде «нечаянно» пролил кофе на белоснежное платье мадам Фурес (чей муж предусмотрительно не был приглашен туда) и предложил ей смыть пятна в другой комнате, откуда дама вернулась к гостям... под руку с Наполеоном спустя два часа. Обворожительная Полина превратилась в официальную фаворитку Наполеона, называвшего ее «Клеопатрой», вела роскошную

жизнь в специально устроенном для нее доме, появляясь везде в одеянии генеральского покроя либо в гусарском стиле, верхом или в паланкине. Намеревавшийся развестись с Жозефиной Бонапарт хотел сделать Полину своей избранницей, надеясь, что она подарит ему наследника. Судьбе было угодно, чтобы оба возвращались во Францию порознь, и мадам Полина оказалась в британском плену, а когда освободилась, ее возлюбленный уже примирился с супругой. В 1800 г. он выдал экс-пассию за отставного военного, отправленного в Испанию и Швецию с дипломатическими поручениями. Став мадам де Раншу, она открыла двери своего салона — одного из самых посещаемых в Париже, куда навевались русские офицеры Нарышкин, Чернышёв и Демидов, офицер Императорской гвардии Беллиар и адъютант герцога Падуи Лепиди¹⁵.

Романы великого полководца достаточно известны, однако и другие французские военачальники отнюдь не блистали «чистотой нравов». Победителя при Жемаппе — генерала Дюмурье, по воспоминаниям современников, окружал целый гарем, что было в порядке вещей революционной поры; прославленный маршал Империи и отец семейства Массена повсюду возил за собой мадам Лебретон, сестру одного из своих адъютантов, одетую драгунским офицером, со знаком Почетного Легиона на груди (орден, разумеется, ей никто не вручал), заработавшую от французских солдат прозвище «курица Массены» — за неумение держаться в седле.

До нашего времени дошел приказ генерала М. Орденера по полку конных гренадеров Императорской гвардии, запрещавший появляться на полковой кухне особам женского пола моложе сорока лет¹⁶.

В России постоянными клиентами публичных женщин всегда являлись военнослужащие, и Павел I прибег к поистине «драконовским законам», повелев тем, кто занимается проституцией, носить одежду желтого цвета (как в Древней Греции) и, более того, отправлять их на Нерчинские рудники¹⁷. Результативность репрессивных мер сводилась почти всегда к нулю. Бездна соблазнов ожидала союзников после вступления в «столицу мира», как о том повествовал Константин Батюшков: «Мимо Французского театра пробрался я к Пале-рояль, в средоточие шума, бегания, девок, новостей, роскоши, нищеты, разврата... Ночь меня застала посреди Пале-рояля. Теперь новые явления: нимфы радости, которых бесстыдство превышает все. Не офицеры за ними бегали, а они за офицерами. Это продолжалось до полуночи, при шуме народной толпы, при звуке рюмок в ближних кофейных домах и при звуках арф и скрипок...»¹⁸.

Сходные впечатления остались и у юного прапорщика артиллерии Рылеева. «Ты знаешь мою стоическую твердость против искушений сего рода, — писал он в одном из писем, — следственно, не можешь сомневаться, что друг твой и в Пале-Рояль избег сетей соблазна»¹⁹.

Щепетильность такого рода была редко кому присуща. На утренних перекличках в период пребывания во Франции в 1814 и 1815 гг. полковые командиры русской гвардейской кавалерии часто недосчитывались в каждой эскадроне до двух десятков солдат и офицеров, задержавшихся у своих возлюбленных, чьи симпатии целиком принадлежали статным, черноволосым гвардейцам, родом из Малороссии²⁰. Многочисленные «нимфы любви» буквально «осаждали» русский лагерь, как было накануне вступления союзных армий в Париж в марте 1814 года.

Представительницы древнейшей профессии, солдатские и офицерские жены были не единственными женщинами, кто находился рядом с войнами — торговки, прачки и швеи существовали во многих армиях еще задолго до революционных и наполеоновских войн вполне официально. Консульский

указ Бонапарта 1799 г. закрепил за французской армией определенное число прачек и маркитанток, которые должны были состоять замужем за солдатами и унтер-офицерами; они приносили наибольшую пользу полкам, заменившим им семью, и подчас являлись эталоном нравственности, объектом всеобщего обожания и гордости. Административный совет каждого полка выбирал торговку провиантом, напитками и предметами обихода — маркитантку, которой вручался специальный патент на торговлю с перечнем имеющихся в наличии товаров и указанием приемлемых цен, кроме прочего, выдавали для ношения овальную медную бляху с полковым регистрационным номером. Разновидность маркитантки — кантиньерка обычно торговала спиртным и табаком в тылу войск, занималась разведением костров и приготовлением еды. Стиравшие солдатское белье прачки, распределяемые по две на батальон и по одной на эскадрон, также должны были «запатентовать» свою деятельность²¹.

Идеализированный внешний вид маркитанток в их экзотических униформах полковой расцветки в реальности был куда прозаичнее — многие ходили в крестьянской либо смешанной из разных стилей одежде и изредка могли позволить себе бархатные или муслиновые платья с оторочкой мехом, «позаимствованные» из разграбленных дворцов и потерявшие былую привлекательность из-за длительной носки. Почти у всякой торговки имелась номерная повозка, которая на привалах немедленно «преображалась» в передвижную лавку, или, по меньшей мере, один-два мула либо лошадь, нагруженные провизией, кроме того, маркитантку можно было узнать по непременно бочонку с вином или водкой, на который могла наноситься идентификационная надпись. Леди Присцилла Бургерш (Burgersh) в 1813 г. пришла в неопишущий ужас при виде маркитанток габсбургской армии, прежде всего венгерок, которые ходили в сапогах и других предметах солдатского гардероба и пользовались мужскими седлами, а те из них, кто был приписан к пехотным полкам, тащили поклажу подобно вьючным животным, что все вместе дало повод благородной даме назвать этих женщин «монстрами»²².

В сумерках маркитанты вместе с солдатами рыскали по полю боя в поисках чего-нибудь ценного, вещей или обуви, иногда отдавая свои повозки под искалеченных. Добычу, взятую солдатами и офицерами, они имели право продавать маркитанткам за хорошие деньги. Женитьба на таких особах рассматривалась во Франции некоторыми офицерами из простонародья вполне естественной, ведь столь «завидная» партия способствовала быстрой карьере, эти жены со временем зарабатывали прозвища «полковница» или «генеральша», правда далеко не всем улыбалось счастье.

Маркитантки часто рисковали собой, «одалживая» чарку водки идущим в бой воинам, из которых далеко не все могли вернуть на завтра деньги, будучи убиты, нередко подбирали раненных, брошенные ружья и становились в ряды сражающихся, тем самым вливая в них новые силы. Некоторые женщины упоминались в приказах о награждении. Катрин Бегуэн, к примеру, из 14-го легкого пехотного полка, несла на протяжении пяти миль на спине своего раненого мужа — солдата — к ближайшему амбулансу; маркитантки 57-го легкого пехотного полка в ходе битвы при Гутштадте в 1807 г. под ливнем неприятельских пуль дважды спускались в глубокий овраг, где сражались французские солдаты, чтобы распределить среди них два бочонка спиртного²³.

Маркитанткой 7-го гусарского полка после провозглашения Империи была назначена Магдалена Кинтельбергер, родившаяся в Овиллере близ Зульша на Нижнем Рейне. Она была замужем за гусаром того же полка Якобом Мюллером, в 1805 г. убитом в период Австрийской кампании в Гюнцбурге.

Супруга его была неоднократно ранена: правая рука была задета пушечным ядром, две пули попали в ногу, она получила пять сабельных ударов по голове и два удара пикой — в грудь и бедро. Несчастная женщина к тому же была беременна и уже в русском плену родила близнецов. К 1808 г., когда она вновь находилась в рядах 7-го гусарского полка в прежней должности, у нее насчитывалось уже восемь детишек, которые, как и мать, лучше говорили по-немецки, нежели по-французски. Со своим семейством она приехала после очередной войны в Париж, находясь на грани полной нищеты, поэтому императорским декретом от 3 марта 1809 г. ей было пожаловано 150 франков пенсии ежегодно²⁴.

Жозефина Тренкар, маркитантка 63-го линейного полка, однажды вырвала из когтей смерти раненого начальника батальона, добравшись до него под сильным обстрелом, застрелив по пути одного из вражеских солдат, поразив штыком другого, и довезла своего офицера до госпиталя на отбитой лошади, за что удостоилась креста Почетного Легиона. Ей не было и двадцати лет. Золотой цепочкой французский император вознаграждал героическое поведение при Фридланде кантиньерки 57-го линейного полка мадам Казажюс, которая утоляла жажду солдат и, когда один из последних предложил ей уйти подальше от опасности, женщина ответила, что его жизнь для отечества более ценна, нежели ее собственная²⁵.

Мария, по прозвищу Деревянная голова (1763—1815), из корпуса гвардейских пеших гренадер, вообще стала живой легендой своего времени: родившись в Доме инвалидов, она приобрела типичные для военной среды привычки — баловалась спиртным и трубкой, была настоящим силачом. Выйдя замуж за гренадера, убитого в 1814 г. при Монмирайле, она потеряла четырнадцатилетнего сына-барабанщика во время обороны парижского предместья Сен-Дени и получила рану, разыскивая его тело. Семнадцатая кампания «мсье Марии» (как ее еще называли) в Бельгии окончилась для нее тем, что отважную «гренадершу» переломило надвое вражеским ядром (по другой версии, женщина была смертельно ранена пулей в лицо). Установив крест на ее могиле, неутешные ветераны написали такую эпитафию: «Здесь покоится Мария, маркитантка 1-го гренадерского полка Старой Императорской гвардии, павшая на поле брани 18 июня 1815 г. в 2 часа пополудни. Прохожий, кем бы ты ни был, поклонись Марии». Разрывы снарядов сравняли ее последнее пристанище с землей, а еще одно прусское ядро окончило дни второго мужа Марии — гренадера Шакта, едва успевшего ее оплакать²⁶.

Доля жен нижних воинских чинов в России — «солдаток», была куда тяжелее, поскольку их социально-правовой статус в российском обществе жестко ограничивался. Автоматическое исключение из крестьянской общины и крепостного состояния вместе с мужем, забритым в солдаты на 25 лет, означало, что, попадая в сферу военной юрисдикции, женщина могла следовать за суженым к месту службы и селилась с разрешения полкового начальства либо там же, либо рядом. На солдаток возлагались, в основном, обязанности по ведению полкового хозяйства: шитье и стирка, уход за больными, уборка помещений, хотя некоторые из них торговали или нанимались в горничные. Супругам отводилось отдельное помещение, что оговаривалось специальными приказами. Например, распоряжение по Лейб-гвардии конному полку от 16 ноября 1800 г. гласило: «Женатых людей ставить от холостых в особые покои, кои ближе к деревянной леснице, но чтоб у них кровати с загородками не было, а иметь занавески, ежели пожелают»²⁷.

Женатые солдаты под влиянием семьи приобретали степенность, осознанность жизненных приоритетов, бросали вредные привычки (в частности, пьянство), но существовала и обратная сторона, т.к. нередко были жалобы

солдатских жен на побои, которым их подвергали мужья, подозревавшие своих «благочестивых» в изменах, не всегда необоснованно. Синод постановил в 1812 г., что не ранее того, как вдова получит от инспекции Военной коллегии паспорт о смерти солдата, она может вступить в свои вдовьи права, а если она вступила в незаконный брак, в отсутствие первого мужа, он признается недействительным и «блудным сожитием». В сельской местности солдатки обходили эти предписания, поскольку с уходом мужа в армию они фактически превращались в «живых вдов» и стремились поскорее найти свое счастье, становясь по сути «двоемужницами». П.П. Щербинин делает вывод, что «семейно-брачные отношения солдатки явно не соответствовали традиционным устоям и юридическим предписаниям имперского периода российской государственности. Эти противоречия формировались, развивались самим государством, которое постоянными воинскими мобилизациями... выводило за рамки нормальной семейной жизни сотни тысяч россиян и россиянок, обрекая их на разлуку, страдания, ломая человеческие судьбы и семейные узы»²⁸.

Великая Французская революция с ее лозунгами «Свобода, Равенство и Братство» открыла дорогу к славе не одним лишь мужчинам, но и способствовала тому, что в невиданных доселе масштабах в военных событиях стали принимать деятельное участие представительницы прекрасного пола. Женщины были не только прачками, маркитантками, они сражались с оружием в руках «по обеим сторонам линии фронта». Мотивы, по которым это происходило, были различны, начиная от патриотического желания подражать Жанне д'Арк (кстати, ее имя при якобинской диктатуре было исключено властями из пантеона, ибо она возвела на престол короля, но почитательниц Девственницы от этого не убавилось) и стремления к авантюрам до банальных житейских. Сохранилась информация о почти семидесяти француженках, воевавших под республиканскими знаменами, хотя точная цифра вряд ли будет когда-либо установлена²⁹.

Приведем лишь некоторые красноречивые примеры: двадцатидвухлетняя актриса из Бургундии Екатерина Пошета, вступившая в 1792 г. в добровольческий батальон «Красные ребята» и исполнявшая там обязанности канонира, и дочь ремесленника из Валансьена Барбара Паран, записавшаяся в армию и затем служившая в рядах 139-й линейной полубригады, храбро сражались в Бельгии, были неоднократно ранены и заслужили от Конвента пенсию в триста ливров (первая из них также удостоилась звания младшего лейтенанта); Аделаида Элие, бежавшая из дома от притеснений мачехи и, скрыв свой пол, поступившая юнгой на флот, была трижды ранена, побывала в английском плену и вернулась на родину лишь с заключением мира. За суженым последовала жена капитана «Арденнских гусар» де Солан, одетая погусарски, которая отважно дралась наравне с мужчинами; юная Роза Баро из Пиренейской армии, именовавшая себя «Свободной», когда при штурме испанской позиций 13 июля 1793 г. ранили ее мужа, схватила его ружье и, вдохновляя атакующих, ворвалась в неприятельское укрепление одной из первых; Роза Буйон, оставившая двоих детей своей матери и вместе с супругом воевавшая в Мозельской армии³⁰. Эллинка Габриэлла Граш (1768—1806), первая супруга будущего маршала Ожеро, сопровождала его в Каталонии в 1793—1795 гг., и, по свидетельству современницы, «была очень красива, здорова (к сожалению, впоследствии оказалась прикована к постели неизлечимой болезнью. — *О.Ш.*) и дала доказательства храбрости, профессионально держась на лошади и блестяще владея пистолетом»³¹.

О самой известной амазонке наполеоновской Франции — Терезе Фигер (1774—1861), имеет смысл рассказать подробнее. Родом из Бургундии, после

смерти родителей она жила в Авиньоне, и в революционных событиях Тереза вместе с дядей, бывшим королевским лейтенантом, сначала оказалась на стороне сражавшихся против республиканцев федералистов. Взятая в бою с оружием в руках, им грозил расстрел, но девушке удалось добиться встречи с республиканским генералом Ж.-Ф. Карто, который, восхищенный ее храбростью, предложил дяде и племяннице вступить в Аллоброгский добровольческий легион, что они и сделали. «Гражданка Сан-Жен» (с фр. «без церемоний»), как ее прозвали в армии, сражалась под трехцветным знаменем под Тулоном в 1793 г., где повздорила с будущим французским императором (зато командующий Ж.-К. Дюгоммье и ее земляк унтер-офицер А. Жюно, в будущем — герцог д'Абрантес, всячески опекали Фигер) и получила первую рану, затем в рядах 15-го драгунского полка в составе Восточно-Пиренейской армии в Каталонии, где заслужила в награду пистолет от генерала Ожеро и спасла жизнь старшему офицеру и нескольким новобранцам, чуть было не пошедшим ко дну речки. Учитывая ее выдающиеся заслуги и ходатайство сослуживцев, при вступлении в силу запрета на пребывание женщин в армии, для Терезы было сделано почетное исключение. Вторая кампания в Италии завершилась для Фигер пленом, но австрийцы отпустили ее.

Ослабленное здоровье заставило Терезу покинуть службу в январе 1800 г., она получила пенсию в двести франков, но, рассудила, «что драгунская каска идет мне больше, чем чепчик, что двадцать восемь лет — это еще не возраст, чтобы отправляться в Дом Инвалидов». Полковник О.-Ф. Себастиани, узнав о поступлении Сан-Жен в его 9-й драгунский полк, проявил к ней живое участие, полностью экипировав, оплатив квартиру и предоставив право обедать за штабным столом. Популярность амазонки в парижском обществе стала причиной ее приглашения в Сен-Клу. Лихо сидя на коне, она произвела нужное впечатление и была любезно встречена мадам Бонапарт и самим Первым консулом, назначившим Терезу камеристкой своей супруги. Недолго пробыв в «золотой клетке», Фигер тайком сбежала в свою часть, разделив с товарищами подаренные ей Жозефиной девятьсот франков³².

Понюхать вновь порохового дыма драгуну Сан-Жен пришлось уже в войнах Империи: в 1805 г. она дралась при Ульме и Аустерлице, «погостила» в Вене в 1806 г. при Йене, но получила при падении своей лошади сильную контузию, осложненную заболеванием печени. Ее отправили во Францию, где женщина долго лежала в лечебнице, но переборола недуги и в 1809 г. решила вернуться в свою часть. Терезу причислили к маршевой колонне, с которой она прибыла в испанский Бургос, где несла несколько лет службу в гарнизоне. Оказавшись однажды за городской чертой, Сан-Жен попала в руки к гверильясам, но те не тронули ее и отправили в Лиссабонский форт, откуда пленница была выслана на Британские острова, и только после первого отречения Наполеона смогла освободиться. В Сомюре Фигер предстала перед генералом Лефевром-Денуэттом, оказавшим ей гостеприимство, и выдавшим денежное пособие и униформу гвардейских конных егерей, в которой отважная женщина встретила вернувшегося императора на смотре. Увидев старую знакомую, тот приказал выдать ей чек на солидную сумму (к сожалению, из-за краха Империи его не удалось обналичить), но в финальной кампании — в Бельгии, Фигер почему-то не приняла участия, зато при обороне Парижа проявила себя в качестве «сестры милосердия».

Пару лет спустя, Тереза вышла замуж за друга детства — наполеоновского ветерана, жандарма Клемана Сюттера. Оставшись вдовой в 1829 г. и не имея детей, Тереза Фигер обнищала и даже издание ее мемуаров не принесло ей благосостояния. В приюте для бедных до самой смерти в возрасте 86 лет бывший кавалерист Сан-Жен больше всего сожалела, что не удостоилась

ордена Почетного Легиона за свои подвиги, о которых генерал Кенель так отзывался: «В ходе ... кампаний она вела себя как честная женщина и храбрый драгун. Было много случаев, чтобы она показала свою отвагу... ее военное поведение, несмотря на ее пол, достойно всяческих похвал»³³.

В лагере противников Революции и Империи также нашлось множество новоявленных амазонок и, прежде всего, в Вандее и Бретани, где сестры, матери, жены и возлюбленные побуждали мужчин брать в руки оружие и сами сражались в первых рядах, действовали в роли связных и лазутчиц. Беспощадный и храбрый предводитель повстанцев в 1790-х гг. барон Ф. Шаретт де ля Контри прославился также тем, что содержал при своем штабе целый «сераль» из аристократок, крестьянок и девиц легкого поведения, с которыми весело проводил время в минуты отдыха, воевал рука об руку и поручал им важные задания. Простая селянка Рене Бордеро из отряда маркиза Ш. де Боншама в мужском костюме беспощадно убивала «синих» — правительственных солдат и их сторонников. Отважно сражалась маркиза де Ларош-жаклен, до этого являвшаяся супругой погибшего Луи де Лакюра.

«Освободительная война» в Германии 1813—1815 гг. явила ряд примеров, когда немецкие женщины разделяли военные опасности наравне с мужчинами: например, в ходе сражения при Люнебурге 2 апреля 1813 г. у прусских частей, сражавшихся против дивизии французского генерала Морана, закончились боеприпасы и некая Иоганна Штеген, невзирая на грозящую опасность, под градом пуль и картечи доставляла в фартуке своим солдатам патроны, позволившие им не оставить позиции и одержать победу. На волне патриотизма весной 1813 г. некая Элеонора Прохаска под именем Августа Ренца надела мундир егеря-добровольца «вольного корпуса» фон Лютцова и барабанщиком участвовала в боях с французскими войсками, пока 16 сентября не погибла в сражении на р. Герде³⁴.

Собственная валькирия была и у англичан — ее имя Сара Тейлор. Четырнадцатилетняя Сара в мужском облачении записалась в 15-й драгунский полк, где прослужила больше 20 лет, а в 1800 г. в унтер-офицерском звании перешла в 37-й пехотный полк, но вскоре подхватила малярию. Тайна Сары была раскрыта, и, поскольку женщине в Британии запрещалось носить военную форму, она стала женой солдата и уже в новом качестве проделала несколько кампаний с супругом. Овдовев впоследствии, Сара Тейлор за полученные на военной службе ранения была вознаграждена небольшой пенсией³⁵.

Восемнадцатилетняя Франческа Сканагатта, под впечатлением образа Клоринды из поэмы Тассо, прониклась воинским духом и заставила отца в 1794 г. отдать ее под личиной своего брата в Нейштадтскую военную академию, которую девушка окончила с отличием и поступила в полк, где служила знаменосцем, сохранив свое инкогнито до 1801 г., когда она в звании лейтенанта была уволена на пенсию, а в 1804 г. вступила в брак с капитаном и прожила вплоть до глубокой старости³⁶.

Россия не стала исключением, и в первую очередь здесь надо назвать Н.А. Дурову³⁷. Дочь ротмистра Ахтырского легкоконного (позже — гусарского) полка, мечтавшего о сыне, она с детских лет воспитывалась, словно мальчик, была обучена «дядькой»-гусаром ездить верхом, стрелять из пистолета на скаку. Нелюбимая матерью, восемнадцати лет девушка выбрала первую попавшуюся партию — дворянского заседателя земского суда В.С. Чернова, но после рождения сына в 1804 г. вернулась по неизвестным причинам в родительский дом. Удел женщины казался ей самым худшим, и потому Надежда Андреевна решила бежать. Благо представился случай: недалеко от Сарапула, где жили Дуровы, проходил Атаманский казачий полк и 7 сентября 1806 г. она переделалась казаком и, назвавшись дворянским сыном, на

своим коне Алкиде явилась к полковнику, упросив его разрешить следовать с ними до расположения какой-нибудь регулярной кавалерийской части. «Амазонка», как она себя называла, добралась до Гродно, где, представившись дворянином Александром Васильевичем Соколовым, вступила в конно-польский полк, с ним сражалась в 1807 г. в Восточной Пруссии и в бою при Гутштадте спасла от клинков французских драгун поручика. Накануне прусского похода Надежда написала батюшке письмо с просьбой о прощении и благословении, чтобы идти избранной ею дорогой, после чего А.В. Дуров обратился с прошением к государю отыскать беглянку³⁸.

Слухи о ней достигли Петербурга, и Дурова была вызвана ко двору, где встретила с Александром I, который первоначально собирался отправить беглянку домой, но та со слезами на глазах на коленях умоляла его: «Не отсылайте меня домой, ваше величество!... Я умру там! Непременно умру! Не заставьте меня сожалеть, что не нашлось ни одной пули для меня в эту кампанию! Не отнимайте у меня жизни, государь! Я добровольно хотела ею пожертвовать для вас!.. Быть воином! Носить мундир, оружие! Это единственная награда, которую вы можете дать мне, государь! Другой нет для меня! Я родилась в лагере! Трубный звук был колыбельной песней для меня! Со дня рождения люблю я военное звание; с десяти лет обдумывала средства вступить в него; в шестнадцать достигла цели своей — одна, без всякой помощи! На славном poste своем поддерживалась одним только своим мужеством, не имея ни от кого ни протекции, ни пособия. Все согласно признали, что я достойно носила оружие! А теперь, ваше величество, хотите отослать меня домой?! Если б я предвидела такой конец, то ничто не помешало б мне найти славную смерть в рядах воинов ваших!». Растроганный этим признанием, император произнес: «Если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашей наградой, то вы будете иметь ее!.. И будете называться по моему имени — Александровым! Не сомневаюсь, что вы сделаетесь достойной этой чести отличностью вашего поведения и поступков; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть бесспорно и что я не прошу вам никогда и тени пятна на нем!.. Я произведу вас в офицеры»³⁹.

За самоотверженный поступок на поле сражения Александр I наградил необыкновенного улана знаком Военного ордена и приказал зачислить корнета Александра Андреевича Александрова (так отныне именовалась Дурова) в Мариупольский гусарский полк, где она прослужила до 1811 г., когда перевелась в Литовский уланский. С первых дней Отечественной войны «кавалерист-девица» находилась в действующей армии уже в чине поручика и участвовала во всех делах вплоть до Бородина, где была контужена в левую ногу ядром, но осталась в строю. Наградой за заслуги явилось назначение ее в адъютанты к главнокомандующему М.И. Кутузову, по-отечески отнесшемуся к Дуровой, которую он отослал домой для выздоровления. Подлечившись, весной следующего года она вместе с юным братом Василием отбыла в полк и до окончания военных действий находилась при блокаде крепостей Модлин, Гамбург и Гарбург. Десять лет непрерывной службы и нездоровье дали себя знать, и в 1816 г. Дурова была отставлена от службы в звании штабс-ротмистра и пенсионом, после чего направилась в Петербург, а затем в родной Сарапул. Надежда Андреевна продолжала носить сюртук и брюки, курить и называться Александровым, но ее прошение о восстановлении на службе было высочайше отклонено. В 1830—1840-х гг. Дурова написала знаменитые автобиографические записки «русской амазонки», высоко оцененные А.С. Пушкиным и ряд других произведений, принесших ей литератур-

ную известность. После смерти отца в 1841 г. она переехала в Елабугу, где до конца своих дней занималась благотворительностью и была погребена с воинскими почестями под настоящим именем несмотря на свое завещание.

Длительное время было принято рассматривать Дурову первой и единственной в России женщиной-офицером, хотя задолго до нее в русской армии можно было встретить ей подобных, как, к примеру, А.М. Тихомирову — дочь отставного майора. По бумагам своего брата, внешность которого была схожей, девушка, оставшаяся сиротой, поступила в Белозерский мушкетерский полк и за пятнадцать лет прошла обер-офицерские чины, в кампании 1806—1807 гг. против французов в Пруссии была ранена, а при Эйлау пала в бою и только тогда все узнали, что капитана Тихомирова при крещении называли Александрой Матвеевной, это явствовало из ее завещания, все свое имущество по которому она оставила подчиненным⁴¹.

Отдельную категорию составляли те, кто, скрывая свой пол, просто следовал в кампаниях за мужьями: к примеру, верная спутница жизни генерала М.Е. Храповицкого, которая в казачьей одежде следовала за ним даже на поле боя, за что была награждена; жена генерала Тучкова, Маргарита Михайловна (в девичестве Нарышкина), нарядившаяся денщиком и стойко переносившая вместе с Александром Алексеевичем тяготы русско-шведской войны 1808—1809 гг. наравне со всеми, не пережившая его гибели в Бородинском сражении и принявшая впоследствии иночество под именем игуменьи Марии; графиня Мария Алексеевна Орлова-Денисова, в девичестве Васильева, также делила с мужем, командиром Лейб-гвардии казачьего полка все трудности похода в Финляндии, и т.д.⁴².

Адаптация женщин к военным условиям конца XVIII — начала XIX в. проявлялась в различных формах, от социально-бытовых до милитаристских. Дивиантный характер отдельных женских поступков диктовался часто не аморальными качествами человека, а стереотипностью общественных установок. В странах с низким социальным уровнем, таких как Россия, феминистские проявления были крайне редки, слабому полу отводилась функция подчинения, в лучшем случае наблюдения за происходящим, и только дворянки занимали сколько-нибудь равное положение в обществе, тогда как в европейских странах (особенно во Франции) эгалитарные настроения и эмансипация революционной эпохи способствовали признанию личностных и гражданских прав женщин, чье участие в военных событиях 1789—1815 гг. не ограничилось привычными ролями жены солдата, проститутки или маркитантки, а дополнилось амплуа женщины-воина, сражающейся наравне с мужчинами, хотя до полного равенства было еще достаточно далеко.

Примечания

1. Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М. 1991, с. 336.
2. Мемуары графини Потоцкой. М. 2005, с. 103—104.
3. ЦЕЛОРУНГО Д. Капитан Н. — Родина. 1992, № 6/7, с. 6—7; HOLLINS D. Hungarian Hussar, 1756—1815. Oxford. 2003, p. 24.
4. ЧАРТОРЫСКИЙ А. Мемуары. М. 1998, с. 156—157.
5. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. Т. 1. Киев. 1991, с. 33, 35.
6. ДУБРОВИН Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829 гг.). М. 2006, с. 19—20.
7. ЧАРТОРЫСКИЙ А. Ук. соч., с. 135.
8. ТАЛАНОВ А.И. Знамена русской пехоты 1812—1814 гг. — Военно-исторический журнал. 1991, № 3, с. 63.
9. БУЛГАРИН Ф. Воспоминания. М. 2001, с. 293—296.
10. Записки генерала Отрошенко. М. 2005, с. 56.

11. Мемуары графини Потоцкой, с. 72—73, 189.
12. Дневник Павла Пущина 1812—1814. Л. 1987, с. 132—136.
13. BLOND G. La Grande Armée. L. 1997, с. 19.
14. МАТЬЕЗ А. Женщины в армии Первой Французской Революции. — Император. 2005, № 8, с. 41.
15. ФЛЕЙШМАН Г., КИРХЕЙЗЕН Г. Женщины Наполеона. Истории. М. 2003, с. 247—256.
16. ДЮПАРК Э. ДЕ ЛЯ БАПП. Воительницы. О самых прекрасных и самых бесстрашных. М. 2007, с. 24, 264, 278; ВЕРНЬЕ Ш., ВИЛЛИНГ П. Униформа французской армии 1660—1845: М. 2002, с. 24.
17. ЩЕРБИНИН П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов. 2004, с. 73.
18. БАТЮШКОВ К.Н. Избранная проза. М. 1988, с. 358.
19. РЫЛЕЕВ К.Ф. Сочинения. Л. 1987, с. 230.
20. ТАЛАНОВ А.И. Кавалергарды. По страницам полковой истории 1724—1825. М. 1997, с. 44.
21. ДЮПАРК Э. ДЕ ЛЯ БАПП. Ук. соч., с. 251—253.
22. НАУТНОРНТНВАЙТЕ P. Austrian Army of the Napoleonic Wars: Cavalry. L. 1986, p. 47.
23. BLOND G. Op. cit., p. 21.
24. PIGEARD A. A la hussarde! — Tradition magazine. 1992, № 68, p. 34.
25. ДЮПАРК Э. ДЕ ЛЯ БАПП. Ук. соч., с. 253—255.
26. ЛАШУК А. Гвардия Наполеона. М. 2003, с. 544.
27. Женатым особые покои или солдатская жизнь в казармах. Публикация А. Вальковича. — Цейхгауз. 2001, № 13, с. 9.
28. ЩЕРБИНИН П.П. Ук. соч., с. 43, 63, 68.
29. ДЮПАРК Э. ДЕ ЛЯ БАПП. Ук. соч., с. 263.
30. МАТЬЕЗ А. Ук. соч., с. 40, 41.
31. ФИГЕР Т. Воспоминания кавалерист-девицы армии Наполеона. М. 2007, с. 103—104.
32. Там же, с. 88—89.
33. Там же, с. 187.
34. Bilder Deutscher Geschichte. Werk 12. Hamburg. 1938, Bild. 135, 142.
35. ДЮПАРК Э. ДЕ ЛЯ БАПП. Ук. соч., с. 269.
36. HOLLINS D. Austrian Grenadiers and Infantry, 1788—1816. Oxford. 2003, p. 23.
37. ЩЕРБИНИН П.П. Ук. соч., с. 421.
38. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. 2004, с. 261.
39. ДУРОВА Н. Русская амазонка. М. 2002, с. 115—116.
40. Отечественная война 1812 года, с. 261—262.
41. ДЮПАРК Э. ДЕ ЛЯ БАПП. Ук. соч., с. 278.
42. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв.). Выпуск VII. М. 1996, с. 651, 655.